

Татьяна Бочкова

ОБРАТНАЯ СТОРОНА ЛУНЫ

Книга вторая

Татьяна Бочкова
Обратная сторона луны
Серия «Обратная
сторона луны», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9307054

ISBN 978-5-4474-0620-2

Аннотация

«Обратная сторона луны» – трилогия, охватывающая более двадцати лет жизни обычной девушки из небольшого города, попавшей в середине 80-х годов в странную деревню, спрятанную в горах. Знакомство с необычными людьми, способными обращаться в волков, не проходит даром. Несмотря на все превратности судьбы, героиня снова и снова находит их спустя годы, через километры... Чтобы, глядя опасностям в лицо, попытаться устроить свою жизнь именно так, как хочется ей, а не друзьям или врагам.

Содержание

1. Обратная сторона луны	5
2. От начала времен	22
3. Тяжелая ночь	36
4. Тяжелое решение	51
5. Под стук колес	64
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Обратная сторона луны

Книга вторая

Татьяна Бочкова

© Татьяна Бочкова, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

1. Обратная сторона луны

Ажурный ночник на столе нежным ровным светом наполнял маленькую комнатушку, большую часть которой занимал разложенный диван. Шторы были плотно задернуты, дабы не впускать сюда назойливые лучи утреннего солнца. Разбиваясь о белоснежные сугробы, они превращались в настоящую муку для только что проснувшихся глаз. Прошлое утро уже научило обитателей комнаты уму разуму, так что сегодня, закрывшись от внешнего мира плотным атласом, они могли вяло потягиваться, переворачиваясь с одного бока на другой, и не думать о том, какой сейчас час.

Очень давно Ольга не ощущала себя такой счастливой. Уже три дня подряд она просыпалась в крепких объятиях любимого мужчины, и эти мгновения казались ей сказкой. Каким же долгим и мучительным был ее путь сюда. Несколько лет она даже боялась мечтать о том, что когда-то снова увидит его, сможет прикоснуться к его губам, волосам, позволит себе раствориться в его руках, и забыть про все на свете. Про мужа, который ждал ее дома еще до праздников. Про родителей, что наверняка оборвали его телефон. Про подруг, считавших ее белой вороной. А вот и нет – она самая настоящая оторва. Оля бросила все – семью, дом, мужа – все ради одного единственного человека. Он лежал рядом, тихонько посапывал и даже во сне прижимал ее к себе. Каждый сан-

тиметр тела принадлежал только ему, каждый вдох был ради него, каждая минута была в его распоряжении. И это любовное рабство было в сладость. Оля улыбнулась своим мыслям и осторожно повернулась лицом к объекту своих мечтаний и страстей.

– Маааакс, – прошептала она, – я приготовлю кофе. Ты будешь?

– Буду, – забавно мурлыкнул большой волосатый мужчина, и нежно прикоснулся к ее губам. Само собой, они только и ждали поцелуя.

Ольга откинулась на спину, позволив Максиму лучше разглядеть ее обнаженные округлости. Приподнявшись на локте, Макс жадно уставился на предмет своего желания. Оля немного подалась вперед, изогнув спину, и глубоко вздохнула. Уже в следующее мгновение все ее тело оказалось во власти сильных рук и страстных губ. Максим жадно целовал ее лицо и грудь, запуская пальцы ей в волосы, запрокидывая назад голову. Ей было немного больно и страшно, но это только сильнее заводило и без того возбужденную девушку. Макс утробно рычал и сжимал ее бедра до синяков, двигаясь ей навстречу с остервенением и необузданной страстью. Его глаза пылали неоновым светом, волосы на груди встали дыбом, а движения делались резче и быстрее. Ольга уже не стеснялась своих стонов и вскриков, цепляясь руками за широкую спину, изгибаясь всем телом и без остатка отдаваясь звериной страсти. Их близость каждый раз приносила

ей столько наслаждения, что царапины и ссадины она просто не замечала...

Тяжело дыша, Макс откинулся на спину и сбросил одеяло на пол. Оля немного съежилась: вспотевшему телу отнюдь не было жарко, наоборот. Она бережно подняла плед и укуталась по самые уши.

– Ты забыл, что температура моего тела всего 36 градусов? – надулась она.

– Прости, – Макс повернулся к ней лицом, – никак не привыкну.

– Придется тебе меня согреть...

Не дожидаясь окончания фразы, Максим потянулся к Ольгиным губам.

– Нееет, – запротестовала она, – нет, нет, нет!!! Ты с ума сошел? Я имела в виду кофе. Горячий черный кофе.

– Будет сделано, – Макс улыбнулся и встал с кровати, – Зажмурься, – скомандовал он, и резким движением распахнул шторы.

В комнату ворвался яркий солнечный свет, во всех красках обнажив бардак, в котором парочка пребывала уже третий день. После новогодней ночи, которую они провели с Настасьей и близнецами, хмельные от спиртного и счастья влюбленные завалились в аккуратно прибранное жилище молодого врача. И всего за пару дней превратили его в хаус. Наслаждаясь едой, сексом, разговорами и друг другом, Максим и Ольга, совершенно потеряли счет времени и вся-

кое ощущение реальности. Небольшой столик, на котором все еще надрывался ночник, был завален грязной посудой и остатками их завтраков, обедов, ужинов. Постельное белье мятым комком валялось в углу дивана. А вещи, в которых они сюда пришли, нашли приют на полу.

– Надо бы прибраться, – улыбнулась Оля, пытаясь отыскать под простынями свое белье.

– Только после кофе, – возразил Максим и двинулся к кухонной тумбе, – если я найду чистые кружки.

Оля рассмеялась:

– Сомневаюсь!

Максим что-то пробурчал, но все-таки принялся наводить порядок, в первую очередь стащив в раковину грязную посуду.

– Как же здесь мало места, – пожаловался он.

– Мне хватало, – Оля пожала плечами, – Я здесь только и делала, что спала.

– Надеюсь, в гордом одиночестве, – вставил Максим.

– О, милый, – Оля подошла к любимому мужчине, который нагишом мыл посуду, – ты бы знал, какой ритм жизни у земского доктора. Я так выматывалась, что еле добиралась до дома. Не говоря уже о чем-то большем.

– Тогда я думаю, тебе стоит оставить эту работу.

Оля наконец-то нашла халат, накинула его на голое тело, и принялась за постельное белье.

– Если я оставлю работу, мне негде будет жить. Эта комна-

та принадлежит больнице. Не хочешь же ты составить компанию моим родителям?

Макс рассмеялся:

– Неужели ты думаешь, что я не смогу обеспечить нас?

Оля на мгновение задумалась, сворачивая простынь:

– Но... Не обижайся, но ты же даже не работаешь...

– Кто тебе сказал?

– А разве работаешь?

Максим домыл посуду и замешкался, ища кухонное полотенце.

– В твоём понимании я, наверное, не работаю. Но поверь, ты ни в чём не будешь нуждаться.

– Боюсь спросить, что является источником твоих доходов, – Оля закончила с бельём и навалилась на непослушный диван, стараясь его собрать.

Макс тут же пришёл на помощь.

– Я просто немного пользуюсь способностями, которые дала мне природа, – улыбнулся он, легко и непринуждённо задвинув собранный диван в угол.

– Волколачьими способностями?

– Да, – Макс чмокнул её в нос и вернулся к посуде.

– Надеюсь все в рамках закона? – Оля немного напряглась, но постаралась не подавать вида, чтобы не обидеть любимого.

– Можно и так сказать, – Макс поставил чайник и протирал кружки для кофе, – по крайней мере, по законам нашей

страны я не делаю ничего предосудительного.

– И ты поделишься со мной своими секретами?

– Не думаю.

– Но почему? – Оля искренне удивилась.

– Тебе вовсе не обязательно это знать. Просто доверяй мне, и все.

Оля присела за стол, все еще держа в руках собранную с пола одежду.

– Ты же понимаешь, что это сложно. Я не могу так. Я должна знать, где ты и чем занимаешься.

Макс поставил на стол чашки с кофе и присел рядом.

– Смешная ты.

– Нисколечки, – Оля надула губы, – Я не какая-то матрона, что сидит дома и помалкивает.

– Ты уж точно не помалкиваешь, – Максим улыбнулся и придвинул ей кофе.

Ольга демонстративно встала, и, не выпуская из рук одежду, направилась в прихожую. Сняла со стены тазик, скинула тряпье, и полезла в шкаф за стиральным порошком.

– Ты же в курсе, что все давно пользуются стиральными машинками?

– Ничего, – Оля уже засыпала вещи порошком, – Я и по старинке могу. Ручками.

– А смысл?

– А никакого!

Макс резко встал из-за стола, выхватил у нее из рук таз,

и с шумом бросил на пол. Белье и порошок рассыпались в разные стороны.

– Прекрати! – резко бросил он.

Но Оля лишь одарила его злобным взглядом и принялась собирать все обратно в тазик.

– Полы, между прочим, я тоже мою руками, – сказала она, даже не оборачиваясь. Потому и не видела, как Максим наклонился, схватил ее за плечи и резко развернул к себе лицом.

– Мне больно, – Оля хоть и испугалась, продолжала вести свою маленькую войну.

– Прости, – Максим взял ее за руки, наклонился и тихонько прошептал: – Что ты хочешь знать?

Оля тут же расцвела, сложила руки на груди и деловито произнесла:

– Все!

– Кофе? – улыбнулся Макс.

– Хорошо, только штаны одень, – ответила Ольга, забыв про разбросанные вещи.

Они сидели друг напротив друга, потягивая кофе, и молчали. Максим просто не знал, с чего начать, а Оля, не смотря на былую решительность, не знала, что спросить.

– Расскажи про вас, – робко начала она.

– Про стаю?

– Ну да, про вашу компанию.

– Это не компания, это стая, – Максим несколько сконфу-

зился, но продолжил, – Компании у вас, у нас – стаи.

– И много таких стай? – перебила Ольга.

– Не знаю. Ну, не одна, это точно. Пока мы путешествовали по стране, нам встречались другие волколаки. Очень мало, но они есть. Кто-то, как и мы, живет стаями, а кто – особняком. Но так, мне кажется, сложнее. Хотя, это личный выбор каждого.

– То есть ты можешь уйти из стаи, и тебе ничего за это не будет? – Оля облегченно вздохнула.

– В общем-то, да. Только я никуда уходить не собираюсь. Даже не мечтай.

– Даже ради меня?

– Не говори ерунды, я живу ради тебя. Но еще у меня есть семья, и это не только Настасья и ее мальчики. Это еще и волколаки, с которыми я провел последние пять лет. Они дали мне второй шанс, когда я совсем потерял смысл жизни. Они научили меня всему, что я умею.

– Ты мне так и не рассказал всего, что ты умеешь...

– Ты, наверное, видишь меня каким-то сверх человеком? – Максим несколько разочарованно улыбнулся, – Это не совсем так. Да, я гораздо сильнее людей, я могу быстро бегать, высоко прыгать, я практически не чувствую усталости и изменений температуры. Но я так же, как и ты, могу пораниться, сломать руку или ногу, могу... умереть.

Ольга ойкнула, и сделала большой глоток кофе, а Макс продолжил.

– Что еще? Если тренироваться, то можно развить в себе кое-какие способности. Например, волколакам подвластны эмоции людей. Мы различаем страх, ненависть, любовь, боль, счастье, и мы можем усилить или ослабить эти чувства...

– То есть, если тебя кто-то испугается, то... – Оля не решилась продолжить.

– Да, – Макс опустил голову, – я могу довести этот страх до предела.

– И человек может умереть?

– Может.

– А счастье?

– То же самое. Я могу заставить сойти с ума от счастья, а могу свести все приятное на нет.

– А любовь?

– И любовь. Любые человеческие чувства.

– А я?

– Что ты? – Макс за пару глотков опустошил кружку, и встал, чтобы снова поставить чайник греться.

– Меня ты заставлял что-то чувствовать к себе?

– А ты как думаешь? – Максим вернулся к столу, – Разве ты не любила меня до нашей встречи на вокзале?

– Любила, – Оле вдруг стало безумно стыдно за свой вопрос.

– И что? Стала ли ты любить меня больше или меньше?

– Больше, – едва слышно прошептала она.

– И ты думаешь, я заставил тебя?

– Нет, что ты! – Ольга взяла его за руки, – Прости, я не хотела тебя обидеть.

– На самом деле, – Макс немного смягчился, – не на каждого человека действуют волколачьи способности. Есть люди с очень сильным характером, со стержнем внутри. Такие нашему влиянию практически неподвластны. И ты, – он посмотрел Ольге прямо в глаза, – одна из них. Ты очень сильная.

– Да ну, – Оля все еще виновато улыбнулась, – Я никогда себя таковой не считала.

– Ты просто не раскрыла свой потенциал. Поверь мне.

– И долго нужно тренироваться? – попыталась она перевести разговор в другое русло.

– Долго, – Максим встал, чтобы налить кофе, – Я до сих пор учусь.

– А твоя стая... Они умеют это все?

– Ну, кто-то – да, кто-то – нет. Не все волколаки одинаковые. И не всем подвластна манипуляция человеческими чувствами.

– А от чего это зависит?

– Честно? Я не знаю. Есть один парень, Антон. Он в стае с самого детства. И вот его учат, учат, а у него никак не получается. Что только не пробовали, но даже ревущего ребенка он не может успокоить. Мы пытались найти его корни, но он попал к нам из детского дома, и нам абсолютно ничего

не удалось выяснить...

– Может он не чистокровный? – перебила Оля.

– Может, но среди нас есть такие, и у них все в порядке с этим делом. Конечно, их способности несколько слабее, зато полуволки совершенно свободны от власти луны.

– От власти луны?

– Ага, – Макс встал и подошел к окну. На улице стоял пригожий зимний денечек, на небе ни облачка. Однако, несмотря на время суток, в голубой дали белело пятнышко луны, – Волколаки – дети луны. Мы зависим от лунных циклов сильнее, чем ты можешь себе представить. С каждой новой лунной мы словно заново набираемся сил. Мы крепнем так же, как крепнет месяц. Именно в полнолуние способности и сила волколака достигают апогея. Но вместе с силой крепчает и градус наших эмоций. Нам все труднее сдерживать гнев, страсть, жалость, страх. Огромных усилий стоит контролировать все эти чувства, запирает их в себе. Но с этим все-таки можно бороться. А потом, вместе с лунной тают и наши силы. Мы становимся более уязвимыми, но вместе с тем, и более сдержанными. И так до полного затмения. В эти несколько дней мы как щенки, однако, как ни крути, даже самый слабый волколак все равно сильнее человека.

– Ты так говоришь, словно вы бессмертны.

– Смертны. Еще как смертны.

– Но как, если даже в затмение волколак сильнее человека.

– Сильнее. Сильнее человека, сильнее даже двух людей, но не сильнее толпы. Нож, пуля, падение, вода, огонь – все может нанести волколаку неисправимый вред. А если вовремя не подлатать – смерть.

Оля подошла к Максиму и бережно обняла за плечи:

– Мне было легче, когда я думала, что ты бессмертный.

Максим перевел взгляд на хрупкую девушку рядом. Подле нее он и вправду казался исполином, непобедимым великаном. Весь сотканый из мышц и плотной кожи. «Рядом с ним ничего не страшно» – подумала Оля, и уткнулась носом в волосатую грудь.

– Ради тебя, – Максим провел ладошкой по ее волосам, – я постараюсь быть бессмертным.

Оля рассмеялась и вернулась за стол. Макс остался стоять у окна.

– Все смотришь в небо? – Оля собрала посуду и понесла в раковину.

– У луны, – неожиданно серьезно начал Макс, – есть обратная сторона. Она – мать полуволков. И они ни капли не зависят от ее влияния. Поэтому, когда месяц на исходе, любому полуволку по силам даже самый мощный волколак.

– Это плохо?

– Это не хорошо. Очень многие половинки, так мы их зовем, были обращены не лучшим способом. Кто-то стал жертвой безумной любви, кому-то мстили, а кому-то не повезло попасть под горячую руку. Поэтому, как правило, половин-

ки держатся особняком, и в глубине души ненавидят волколаков.

– Разве плохо быть половинкой? – удивилась Оля, попутно возобновив уборку комнаты, – От луны не зависишь, а способности и сила есть.

– Чтобы эти способности были, нужно постоянно переворачиваться, а половинкам это дается очень сложно. Не буду тебе врать, но даже сотое превращение будет болезненным.

– То есть...

– Да. Если ты вдруг решишься, ты должна это учесть.

– И сильно больно? – Ольга даже поежилась в ожидании ответа.

– Не знаю. Мне, как ты понимаешь, не больно. Но слышал от одной девушки, что родить ребенка в тысячу раз проще.

– О боже, – Оля присела на край кровати, – И зачем же тогда переворачиваться?

– Да в целом то и не зачем, но однажды вкусив власть манипуляции, ощутив нечеловеческую силу и мощь, сложно остановиться.

– И все-таки, что будет, если не переворачиваться?

– Ничего особенного. Половинка все равно будет обладать силой, ловкостью, выносливостью. У полуволков обостренный нюх, отменное зрение, высокая температура. Просто зная, что это не предел, многие идут на страдания ради этого.

– Как глупо...

– Тебе так кажется, а эта самая девушка оборачивается

каждый месяц. У нее прекрасная жизнь: хороший дом, машина, куча поклонников. Ради этого она не против немного пострадать.

– Откуда ты так много знаешь про этих половинок?

– Ну, – Макс немного замялся, – с одной половинкой я провел два года...

– Провел? – Ольга наконец-то замочила белье, и сейчас уткнула в бока пенные ладошки.

– Ну да, в нашей стае есть несколько половинок...

– В стае... А в твоей постели?

– Всего одна, – Макс резко повернулся и расплылся в улыбке, увидев сердитую домохозяйку, – Да ладно тебе, ты вообще замужем.

– Я думала, ты умер!

– Я тоже!

Неожиданно для себя Оля почувствовала на губах соленый привкус и поняла, что плачет. Ей было горько и обидно: за прожитые впустую годы, за эти ненужные отношения, и за эту нелепую ревность тоже.

– Прости, – Оля безвольно опустилась на пол и уселась прямо рядом с тазиком.

Максим тут же оказался рядом.

– И ты прости, – он прижал к груди ее голову и поцеловал в макушку, – И зачем тебе все эти подробности?

– Я столько пропустила... – Оля никак не могла остановить слезы, и слова получались невнятными и смешными, –

Я совсем не чувствую себя частью твоей жизни.

– Конечно, не чувствуешь! – Максим продолжал покрывать ее голову нежными поцелуями, – Какая же ты часть? Ты – вся моя жизнь! Давай, заканчивай реветь и убираться, пойдем навестим маму и мальчишек.

С самого Нового года Ольга и Макс даже на пару минут не наведались в соседний дом. А ведь близнецы, наверняка, с нетерпением ждали новоиспеченного старшего брата, с которым можно так весело играть в подаренные им машинки, самолетики и другие игрушки. А Настасья, скорее всего, уже первого января наварила чего-нибудь отменно вкусного и сытного. Когда-то вся ее жизнь была сосредоточена на любимых сыновьях, которым она каждый день стряпала и кашеварила. Она то и дело причитала, как же сложно прокормить таких здоровяков, но в глубине души гордилась ими до безумия, и каждый раз готовила все с большей и большей любовью. Наконец-то она снова отведет душу у плиты своей махонькой квартирki. Ольге даже стало немного стыдно, что они с Максом так увлеклись друг другом, что совсем забыли про нее.

– Дай мне десять минут. Я только оденусь.

– Угу, а мне, видимо, придется идти в твоём халате. Моя сумка осталась у мамы.

– Ничего, – улыбнулась Ольга, – не замерзнешь. Разве что соседей насмешишь.

Они в голос рассмеялись, и Оля в приподнятом настро-

ении засустилась, выбирая наряд потеплее. На улице хоть и светило яркое солнышко, но столбик термометра не стремился подниматься выше двадцати пяти градусов ниже нуля.

– Я хочу забрать мальчишек на пару лет, – сказал Макс, помогая Оле надеть зимнее пальто.

– В смысле? – от неожиданности она даже не смогла по-пасть в рукав.

– Скоро полнолуние, им уже пора перевернуться.

– И?

– А потом им понадобится время, чтобы осознать свою природу, научиться контролировать себя.

– Не думаю, что Настасья с этим не справится.

– Поверь, это очень сложный процесс. Мы жили в глуши и нас ничего не ограничивало. Наше с Алексом взросление хоть и прошло под ее чутким руководством, сейчас совсем другое время. Другое место. Она может подвергнуть их жизни опасности.

– Настасья с тобой не согласится, – Оля наконец-то справилась с одеждой.

– Ну, – Максим прикусил губы, – я смогу ее убедить.

– Даже если и так, – Ольга подняла воротник, повязывая шарфик, – Как ты собираешься их воспитывать?

– С чего ты взяла, что это буду я?

– А кто?

– Я отвезу их одному очень хорошему человеку. Он за ними присмотрит.

– И что это за человек? – Ольга уже оделась, но выходить не спешила.

– Это замечательный человек. Один из родоначальников нашей стаи. Он живет уединенно, но для парней это только к лучшему. Плюс ко всему у него есть очень интересное хобби. Он делает из волчат настоящих волколаков. Считай, что у него элитный детский садик.

– Представляю, как твоя мама обрадуется, – вздохнула Оля и толкнула дверь.

2. От начала времен

– Явились – не запылились! – как и предполагала Ольга, Настасья, хоть и обрадовалась их приходу, но таки негодующе подбоченилась: мол, почему так долго топали.

– Мамуля! Не сердись! – Максим радостно поцеловал женщину прямо в губы, отчего та расплылась в улыбке, и тут же трансформировалась в радушную домохозяйку. Только сейчас Оля заметила, что Настасьин передник был изрядно испачкан мукой.

– Ладно, входите, – и хозяйка сменила гнев на милость.

– А чем это так вкусно пахнет? – Максим уже сидел за столом в ожидании чего-нибудь вкусенького.

– Пирог с мясом, – засуетилась вокруг него Настасья, – с лучком и чесночком, как ты любишь.

– И я!

– И я люблю! – в дверях появились Сеня и Саня, приемные дети Настасьи. Мальчишки светились от счастья. На светлой коже расцвел алый румянец, волосы взъерошились, улыбка озарила их светлые лица.

– А ну мыть руки, – как порядочная мамаша, Настасья была и сурова, и ласкова. Она искренне и нежно любила своих приемышей, и с самого начала начисто забыла их происхождение, считая своими родными детьми.

Когда волколачью деревню, что стояла здесь сотни лет,

захватили и сожгли псевдо искатели горной руды, в живых осталось лишь с десятков коренных жителей. В том числе Настасья, потерявшая в пожаре обоих сыновей, и совсем крохотные близнецы, чьи родители погибли от рук автоматчиков еще до того, как дома загорелись. О том, чтобы передать малышей в детдом не было и речи, ведь рано или поздно волчьи инстинкты взяли бы верх над человеческой сущностью детей, и их судьба была бы predetermined. Поэтому без всяких раздумий, когда люди с оружием в руках разгребали завалы, и Настасья, прячась от них, вдруг разглядела, что в руках одного из захватчиков еще шевелится маленький сверток, то тут же выбежала из укрытия с криками: «Дети! Где же мои дети?» По сути, для женщины, которая совершенно не знала, живы ли ее родные сыновья, сыграть роль отчаявшейся мамы не составило труда. Незвестный мужчина в маске сначала пихнул ей в руки сверток с малышами, а затем – дуло автомата в спину, и отвел к раскинутому в паре километров от бывшей деревни полевому лагерю. Там Настасья добрых три часа умоляла строгого бородатого военного не отнимать детей. Там же она получила какой-то документ, в котором значились ее имя и фамилия. И с той самой минуты женщина оказалась связана с этими жестокими людьми не менее жестоким контрактом. Не смотря на малолетство детей, уже через пару дней ее отправили обратно на пепелище разгребать завалы, а потом на поле косить траву, а потом на дорогу встречать приезжих, а потом на строй-

ку возводить новый рабочий поселок.

К счастью, до смерти напуганные малыши, практически не приносили хлопот: легко приняли хлеб, воду и каши. Спали не много, не так, как ребятишки в их возрасте, но зато, когда бодрствовали, в основном молчали и беглыми глазками изучали все вокруг. Когда Настасье наконец-то разрешили поселиться в пансионате, мальчишкам стукнуло четыре года, но они совсем не умели разговаривать. Еще бы, ведь рядом с ними почти всегда никого не было. Только потом, немного осев, и сменив тяжелый труд на стройке на работу уборщицей в детском саду, уже возрастная мамаша начала заниматься с детьми. Природа взяла свое, и маленькие волчата, как губка, впитывали все новое. За пару лет они не только догнали, но и обогнали в развитии своих сверстников, и Настасья вздохнула спокойно, мол, не загубила детишек, вырастила, воспитала. Осталось только научиться жить по человеческим правилам: ходить в школу, учить уроки, заниматься спортом. И при этом скрыть от всего мира самое главное – их настоящую природную суть.

Так и жила Настасья, вкладывая всю свою душу и свои силы в этих маленьких чертят, которые, хоть и шалили за пятерых, но были по-настоящему любящими сыновьями. О чем Настасья уже и мечтать не могла, скрываясь от пуль и огня в подвале за собственным домом.

С тех пор прошло почти восемь лет...

За небольшим обеденным столом в центре уютной кухни

семейного пансионата все так дружно уплетали свежую выпечку, и так весело смеялись, будто и не было никогда тех страшных дней, которые почти полностью смели с лица земли большую общину людей-волков, и тех долгих лет, в течение которых по осколкам собирались человеческие судьбы.

День клонился к вечеру и Максим, вдоволь насытившись домашней стряпней и свежим чаем, решил перейти к главному.

– Мамуль, – непревзойденный манипулятор, он знал, с чего и как начать, – скажи честно. У мальчишек уже случались горячки?

Не понимая, о чем речь, но зная, что они в центре разговора, обе белокурые мордашки тут же перестали улыбаться и уставились на мать. Настасья несколько опешила, а Ольга нервно сглотнула.

– Пару раз, – бросила хозяйка дома и встала из-за стола, как бы намекая, что тема закрыта.

– Что будешь делать? – не унимался Максим.

– Пока заглушу все травами, не время сейчас, – так же коротко ответила Настасья и принялась убирать со стола.

– И надолго хватит твоих завтраков, мам? Все равно надо будет что-то делать.

– Я знаю, – в словах ее появилась злость.

– Вот я и спрашиваю, что ты думаешь делать?

– Что за глупый вопрос? – Настасья сверкнула глазами и шумно поставила в раковину грязную посуду, – А ну марш

в свою комнату! – обратилась она уже к мальчишкам, которые с неохотой поплелись к себе, и продолжила, – Как будто ты не знаешь, как это делается?

– В том то и дело. Я хочу помочь.

Настасья улыбнулась:

– Ну, так приезжай через пару лет. Вместе справимся в два счета.

– Послезавтра будет полная луна...

– Еще рано! – от неожиданности женщина чуть не подпрыгнула.

– Самое время. Я помогу, – и Максим расплылся в очаровательной улыбке. Однако его мать все еще колебалась.

– Мне надо подумать...

– Некогда думать, мальчишек нужно подготовить и перевернуть.

Настасья молчала.

– Подумай сама, – Максим встал и медленно зашагал по периметру кухни. Но в силу ее размеров, на все про все у него уходило с пяток шагов. – Во-первых, они одинаковые и перевернуться им нужно вместе. Так? – Настасья лишь слегка кивнула, – Во-вторых, нужно уйти подальше от людей, и уйти в одиночестве. Рядом с тобой никого не будет. Ты одна, а их двое. Можно не уследить за любимым, и оставить травму на долгие годы. И, наконец, сразу после этого я увезу мальчишек на воспитание.

– Что? Куда? – опешила Настасья, до этого практически

согласившаяся на такое быстрое развитие событий.

– К одному хорошему другу, – Максим остановился около матери и взял ее за плечи, – он всю жизнь занимается воспитанием волколаков. Учит их развивать способности и жить в мире со своими эмоциями.

Несмотря на цепкую хватку сына, Настасья легко высвободилась, сделала пару шагов назад, и, глядя Максиму прямо в глаза, медленно произнесла:

– Не отдам.

– Это всего на пару лет.

– Нет.

– Не будь эгоисткой, – Максим повысил голос, – Что ты дашь этим детям, кроме любви и ласки? Кто из них вырастет? Верные псы для этих разбойников? – и Макс ткнул пальцем в окно. Тонкое стекло, украшенное зимними узорами, отгораживало этот маленький волколачий мирок от всего злого человечества, повинного в смерти целой стаи.

– Я дам им тоже, что дала вам! – возразила Настасья, перейдя на повышенный тон, – Или ты тоже стал верным псом?

– Я пять лет провел в волколачьей стае! И это они научили меня, как не прогибаться под систему! Они, а не ты, не отец, и не гребаный Рогатый!

Ольга нервно сглотнула, и поймала на себе нервные взгляды конфликтующих.

– Я посмотрю, как там мальчики, – прошептала она и пулей вылетела с кухни, которая обещала в ближайшее время

превратиться в поле боя.

Только закрыв за собою двери и навалившись на них спиной, она смогла выдохнуть. Две пары ярких голубых глаз пожирали и ее, и преграду между ними и мамой.

– Все в порядке, – улыбнулась Оля, – где ваш новый конструктор? Мне сказали, что у вас ничего не получается.

– Не правда! – запротестовали оба и с головой окунулись в болтики и винтики.

Ольга же робко присела рядом, но только и смогла, что невпопад подсказывать, стараясь тем временем разобрать слова говорящих на кухне людей. На удивление, громкость Макс и Настасья снизили практически сразу, стоило Ольге выйти. Тем не менее, напряжение, царившее там, можно было почувствовать даже сидя в соседней комнате. Разговор вышел долгим. Несколько раз Оле показалось, что слышны всхлипывания, но она старалась гнать от себя эти догадки. Максим бы никогда не довел маму до слез.

Лишь когда за окном совсем стемнело, из кухни донесся негромкий голос Настасьи. Она звала детей к столу.

Вместе с мальчиками, Оля несмело, все еще опасаясь последствий неприятного разговора, зашла на кухню и встала у порога. Сеня и Саня стояли подле, прижавшись к ее ногам.

– Ну, что скуксились? – улыбнулся Максим. Его виски покрывала мелкая испарина, он казался спокойным, но некоторое напряжение все же чувствовалось. Даже не напряжение, не ликование. Торжество победы, которая далась ему нелег-

ким трудом, но из-за этого теряла свою сладость.

Настасья сидела за столом, скрестив руки на груди. Ее лицо не выдавало никаких эмоций. Бледная кожа, уставшие глаза. Она жестом пригласила всех присесть. Только сейчас Оля обратила внимание на маленький графин и рюмочку, стоявшие по правую руку от хозяйки.

– Эту историю мне рассказал отец, а ему – дед. Она передается из уст в уста... – начала Настасья, и Ольга тут же вспомнила тот вечер, когда эта женщина, еще молодая и красивая, уселась на кресло у камина, чтобы рассказать эту историю ей. Глупая девчонка, тогда она так и не услышала легенды о волколаках, потому что своим невежеством разлила добрую хозяйку волколачьего дома. И та вместо историй прогнала ее прочь, затаив в душе обиду. Ольга замерла в ожидании, поняв, что час настал. И она наконец-то будет посвящена в тайну. Тайну людей, способных преворачиваться в волков.

– От начала времен, когда люди только-только научились ходить, – ровным голосом продолжила Настасья, – будучи детьми природы, как и все живое, что только населяло этот мир, они поклонялись лесу, небу, солнцу, звездам и земле. Население людей было ничтожно малым, глупые двуногие зверушки гибли пачками. Они не умели заботиться о себе, ели что попало, болели, умирали. Простая смена времен года выкашивала с корнем и без того маленькие племена людей. И тогда, те, что поумнее, стали учиться у животных.

Однажды маленький мальчик, прячась на руках матери от непогоды, увидел, что некоторые звери во время дождя находят себе приют в пещерах и расселинах гор. И он призвал свою родительницу спрятаться. Жаль, что не всякая пещера безопасна, ведь часто там скрываются дикие звери. Последовав примеру мальчика и его матери, их соплеменники погибли от лап хищников.

Потом мальчик увидел, что и в хорошую погоду некоторые животные уходят под землю, роя себе норы и длинные тоннели. А еще он обратил внимание, что птицы строят себе гнезда. Мальчик вырос и впитывал все, что видел вокруг, а он был очень наблюдательным. Достигнув зрелости, он стал учить своих родителей и соплеменников строить себе жилища, вырывая глубокие ямы и покрывая их ветками. Так у людей появилось укрытие от непогоды, и их семьи стали расти.

Другой мальчик любил гулять по лесу и наблюдать за тем, как дикие животные добывают себе пищу. Он стал пытаться повторить их движения и тактику, и у него начало получаться, но ему не хватало острых зубов и длинных когтей. Тогда мальчик придумал, как их веток, костей и камней соорудить первое оружие. И люди стали охотиться успешнее. Они стали лучше питаться, и, конечно, смелее обороняться. И население людей продолжало расти.

Еще одна умничка, маленькая девочка, сначала прослыла глупышкой. Она часами ходила по зеленым лужайкам,

пробовала на вкус цветы и травы, наблюдала за бабочками, пчелками и пауками. От ее увлечений никому не было пользы, к тому же она всегда доставляла много хлопот родителям. Перепробовав кучу растений, она то и дела мучилась животом. Однако, случилось, что она плясала как ненормальная, а то и вовсе отказывалась от мяса, наевшись очередных вершков и корешков. Повзрослев, эта девочка стала лучшей хозяйкой в округе. Она научилась делать из сырого мяса вкусные блюда, маринуя его с травами. Вместе с тем в пищу людей попали неизвестные ранее ягоды, плоды деревьев, коренья. А еще, она подсмотрела у паучков, как прядь ткань, а потом научилась делать из нее одежду. Заодно поняв, как сшивать между собой шкуры животных, делая их более удобными для носки. Люди зажили еще лучше, и их стало слишком много...

Но природа всегда берет свое. Всегда должно быть равновесие. И звери, которых люди отгоняли от себя все дальше и дальше, стали злее и коварнее. Стаи волков разоряли деревни, большие птицы портили огороды, полчища насекомых уничтожали леса, хищники объявили на людей охоту.

Но и в этой ситуации люди нашли выход. Они всегда поклонялись природе, и, не совладав с животным миром, они решили поклониться и ему. Вожаки племен стали приносить в жертву диким животным своих детей – маленьких, несмышленных малышей, которые еще совсем не успели пожить, и ничего не понимали. Среди людей появился страх

друг перед другом. Любая мать могла лишиться любимого чада, и на какие только уловки не шли женщины, дабы спасти своих малышей. Так или иначе, но некоторые методы возымели смысл, и через многие годы люди стали замечать среди зверей своих собратьев. Дикие животные, запутанные ворожкой и хитростями матерей, принимали человеческих детенышей за своих собственных, и воспитывали их по своим законам.

Шли годы и мир между людьми и животными восстановился. Тем более, что среди зверей мирно жили двоеданы. Существа, появившиеся на свет людьми, но воспитанные как животные. Люди-волки, люди-медведи, люди-лисицы стали частью этого мира. И все бы ничего, но со временем человеческой расе и этого стало мало. Жертвы приносились все реже; двоеданов, державших равновесие, становилось все меньше. Пока однажды в стае волков не вырос совершенно особенный мальчик. Хищники понимали, что он не такой, как все, но старая волчица приютила малыша. Она кормила его с волчатами, воспитывала, учила охоте и мудрости. Этот мальчик настолько слился с волками, что в зрелом возрасте его избрали вожаком стаи. Это был первый двоедан, возглавивший животную общину.

Но люди разузнали о таком взлете своего сородича и решили вернуть его обратно. Они мечтали, что вожак волчьей стаи сможет покорить всех диких зверей, заставить их подчиниться. Каких только благ не сулили вожаку-двоедану,

но преданный своей стае, он избегал контактов с людьми, он отвергал все предложения и не внимал мольбам. И люди разозлились.

Уже тогда среди женщин были особенные. Те, которые могли при помощи трав и заговоров, творить такое, что обычным смертным не под силу. Их называли ведьмами, их сторонились, но то и дело бегали к ним за помощью. Так случилось и на этот раз. Наобещав старой ведьме всяческих почестей, люди отправили каргу в волчью стаю.

Несколько дней и ночей хитростью, уговорами, лестью, а то и угрозами старая ведьма склоняла вожака стаи пере-метнуться в людской стан, возглавить человеческую армию и покорить непокорный животный мир. Но стойкий человек-волк был непоколебим. Разозлившись, ведьма приготовила страшное заклинание, сотворив которое обрекла этого мужчину на вечное родство с волками. «И никогда! – кричала она своим визгливым голосом, – Никогда тебя не примут среди людей! И никогда тебя не примут среди волков! Будешь ты и зверем и человеком, но будешь ты и не зверем, и не человеком! И проклятье твое перейдет всему твоему роду!»

Страшная злость и колдовство сделали свое дело. В первую же полную луну вожак стаи, который все еще имел облик человека, в страшных муках перевернулся в волка. Но стоило луне уйти с небосвода, все так же мерзко волк перевернулся в человека. И только первому волколаку извест-

но, как это страшно, когда все твои чувства и эмоции выходят из-под контроля в один миг, как жажда крови и мести вперемешку с сумасшествием переполняют все сознание. Не снеся боли и унижения, он скрылся в чаще леса. И долго скитался в поисках самого себя. Он пытался жить среди волков, но они его не принимали за своего. Он искал счастья среди людей, но первая же женщина, увидев его волчье обличие, убежала, рыдая и крича о помощи. Только в старости, а волколаки живут очень долго, он смог найти душу, пожалевшую его и принявшую.

Одинокая вдова, жившая в уединении, впустила на порог никому не нужного странника. Благодаря ее состраданию первый волколак нашел долгожданный приют, и именно от них берут свое начало все волколаки. Но жизнь их на самом деле всего лишь проклятие старой злобной ведьмы. Их дети обречены были с муками превращаться каждое полнолуние, их близкие, выбравшие судьбу полуволка, страдали еще больше...

И до сих пор нет жизни волколакам ни с людьми, ни с волками. – Настасья замолчала, бросив едва заметный взгляд в сторону Ольги.

Мальчишки сидели, раскрыв рты, Оля едва сдерживала слезы, в глубине души ненавидя свою родную человеческую расу, Максим почти не дышал, буквально впитывая каждое слово матери. Повисла пауза и длилась она долго, не смотря на то, что Сеня и Саня то и дело открывали рты, но так

и не могли обличить удивление в слова.

– А теперь спать, – устало проговорила Настасья и встала из-за стола.

Ольга с Максимом прошли в прихожую. Макс успел переодеться, однако утепляться не спешил. Они на пару минут задержались, ожидая хозяйку, но та увлеклась детьми.

– Ну, – вздохнула Ольга, – пошли.

И двое молча вышли во двор. На улице в свете фонаря кружились беззаботные снежинки. И дела им не было ни до проклятий, ни до волколаков, ни до страданий матери, которой дали всего пару дней на то, чтобы попрощаться с любимыми мальчиками.

– Думаешь, они все поняли? – спросила Оля.

– Думаю, да, – Максим взял ее за руку и повел домой.

– А если нет?

– Мама позаботиться, чтобы они уловили каждое слово. Это она умеет. По крайней мере, мы с Алексом поняли все досконально. В том числе и самое главное.

– А что самое главное?

– Что наше проклятье всего лишь плод человеческой зависти и злобы.

– Проклятье... – прошептала Оля и погрузилась в тяжелые мысли.

3. Тяжелая ночь

Оля откинулась на большую подушку, лежавшую у стены старой часовни, что стояла на окраине маленькой уединенной деревушки. Только здесь, на устланном шкурами полу, она чувствовала себя счастливой. В этом маленьком мирке под купольным сводом не было ни роскоши, ни красоты. Наоборот, комната второго этажа больше напоминала заброшенную каморку: низкие потолки, окошко размером с блин, и то занятое под дымоход старой буржуйки. Только обилие выцветших ковров, одеял и звериных шкур превращало это место хоть в какое-то подобие жилища. Места здесь, конечно, было с гулькин нос, зато помещение быстро нагревалось и подолгу сохраняло тепло, несмотря на дыры в окошке. Оля снова и снова окидывала взглядом каждый уголок маленького убежища. Здесь всегда царил полумрак, и только свечи и тонкие лучи света из тех частей окошка, которые не заслонял дымоход, не давали совсем ослепнуть. Хотя, если подушать, будь здесь поярче, она, наверняка бы, ужаснулась.

За окном слышались шаги. Это Максим. Если в образе зверя он и был легок и бесшумен, то в образе человека все это исчезало, и его шаги по хрустящему снегу Оля слышала издали. И она безумно радовалась встрече, хоть ей и хотелось оттянуть этот момент. Страх и отчаяние, накатившие внезапно, заставили сердце бешено колотиться, и каждый

удар перекликался со звуками открывающейся двери, шорохом стряхиваемого снега, гулом шагов по никудышным деревянным ступенькам. Еще секунда и Максим будет здесь! Она так ждала его прихода, считала минуты, представляла себе его красивое лицо, густые волосы и сильные руки. Но как же ей было страшно от того, что именно сегодня Максим вернется в зверя прямо на ее глазах...

Этот день врезался в память как нож. Несколько лет Ольга о нем не вспоминала, но уже вторую ночь подряд картинка оживала в ее голове, доставляя все новые страдания. Оля ворочалась и стонала, плакала и умоляла не делать этого. Она прекрасно помнила, как потом не могла уснуть, представляя, что все люди вокруг вдруг стали переворачиваться, но что-то сломалось и все они навсегда застыли в образе полуволка-получеловека. С изогнутыми спинами, звериным оскалом на еще человеческом лице, с покрытыми густой шерстью конечностями и острыми белесыми когтями. От страха Оля зажмурилась, отгоняя от себя тот злосчастный день, но шаги Макса становились все ближе, а стук сердца все громче. Когда в углу комнаты появилась русая макушка, Ольга с силой вжалась в подушку. Еще мгновение, и вместо светло-голубых глаз любимого мужчины, на нее уставились неоновые зрачки волка. Еще шаг, и еще, и из глубины первого этажа на четырех лапах по ступеням взбирался чудовищный гибрид человека и волка. Еще мгновение и Оля истерично закричала, пытаясь закрыть лицо какой-то шку-

рой...

Она очнулась, все еще крича, нервно перебирая одеяло, ногтями впиваясь в синтепон. Максим сидел рядом, держа в руках наполовину опустошенный стакан с водой. Только сейчас Оля осознала, что ее покрывает не холодный пот, а обычная вода.

– Прости, – Максим поставил стаканчик на пол, и аккуратно положил руки ей на колени, – Ты никак не просыпалась.

На его встревоженном лице Ольга заметила несколько свежих царапин. Следы от борьбы остались и на груди мужчины, и на его плечах.

– Это я?

– Да, – Макс улыбнулся, – во сне ты необычайно сильна.

Ей было не до смеха. И не до гордости за свои недюжие способности. Ей было стыдно. Стыдно за чувство отвращения, которое она испытывала к процессу перевоплощения человека в волка. Нельзя любить только часть кого-то, отрицая то, что является его сущностью. Ей был бесконечно приятен Максим-человек, она совершенно не боялась Максима-волка, но то, что стояло между этими ипостасями, она искренне ненавидела. Но ни в коем случае нельзя говорить об этом любимому человеку, он может не понять. Для него обращение всего лишь момент жизни, необходимый и незаменимый. Ей просто нужно принять, смириться, перестать морщиться от мыслей об этом.

– Что тебе снилось? – влез в ее размышления Макс.

– Просто кошмар, – Ольга уже пришла в себя и всем видом старалась показать, что все в порядке.

– Две ночи подряд? – Максим ее актерским способностям не очень верил. – Ты не хочешь говорить? Это как-то связано со мной?

– С чего ты взял? – с этими словами Оля попыталась встать, но Макс крепко держал ее ноги. – Прекрати, все в порядке.

– Нет, не в порядке! Две ночи подряд ты плачешь, кричишь и дерешься. В чем дело?

– Кошмары, – Оля попыталась быть спокойной, – обычные кошмары. Не бери в голову.

– Думаю, тебе не стоит сегодня принимать участие в ритуале. – Максим наконец-то убрал руки и встал, – Боюсь, твои кошмары станут страшнее.

– Что? – От удивления Оля немного опешила.

– Ты знаешь, о чем я, – Максим прошел в прихожую, чтобы одеться, – И мне жаль, что мы не можем об этом поговорить.

– Но... Как? – Ольга все еще не сдавалась. – О чем ты, я не пойму.

– О твоих кошмарах. Не трудно догадаться, что тебя так пугает, – Максим не спеша натягивал джинсы, – Тем более, что все началось после того, как мы решили перевернуть близнецов. Ты боишься, что они нападут на тебя.

Ольга выдохнула. Макс ошибся. И этот промах был в ее пользу. Пусть лучше он думает, что ее пугают волки, а не их обращение. И уж тем более обращение самого Макса.

– Ты должна знать, что этого не случится. В образе зверя мы не теряем ни капли человеческого разума. Мы не сходим с ума от жажды теплой крови и свежего мяса, – Макс улыбнулся своей иронии, и продолжил серьезнее, – Но если тебе действительно страшно, тебе лучше остаться дома.

– Нет! Нет-нет-нет-нет! – Оля соскочила с кровати. – Поверь, я справлюсь. Даже больше, мне это нужно! Иначе, я так и не смогу перебороть свои страхи.

– Ты уверена?

– Уверена. – Оля мысленно представила себе заснеженный лес, старую часовню и целое семейство волколаков вокруг себя. Все четверо удивительно красивы: у них идеальная кожа с легким румянцем, большие глаза всех оттенков небосвода, добрые улыбки и грациозная стать. Она зажмурилась, и перед ней предстали четыре белых волка. Самый большой громко дышал, испепеляя девушку неоновыми зрачками. Трое других, меньшего размера переминались с ноги на ногу, и выглядели совершенно безобидно. Красота и грация этих животных внушали восхищение. И Оле совсем не было страшно. Она снова зажмурилась, а когда открыла глаза, вновь оказалась среди людей. – Я не могу всю жизнь бояться. И ты мне в этом поможешь.

Произнеся это вслух, Ольга сама себе поверила. С улыб-

кой она встала и крепко обняла своего возлюбленного. Как можно бояться человека, с которым связана вся ее жизнь? Она нежно поцеловала его в губы, и Макс, успокоившись, отправился по своим делам. Подготовка к ритуалу занимала его целый день, и Оля знала, что она будет посвящена только себе.

Максим ушел, негромко хлопнув дверью, а Ольга, как и днем ранее, занялась уборкой. Обустройство быта всегда помогало ей справиться со стрессом. Она несколько месяцев переделывала абсолютно все в новой квартире, куда переехала вместе с мужем. Так она отвлекалась от семейной жизни с нелюбимым человеком. Вот и сейчас она натирала до скрипа посуду, кипятила столовые приборы и крахмалила полотенца, стараясь занять этот день чем угодно, только не мыслями о предстоящей тяжелой ночи.

Но она приближалась неумолимо быстро. Стоило заняться первым сумеркам, как в дверях скрипнул ключ, и на пороге появился слегка возбужденный и довольный Макс.

– Уверена? – спросил он, когда Оля, упаковавшись в теплые вещи словно капуста, неуклюже одевала валенки.

Девушка кивнула.

Держась за руки, они обошли дом, потом другой, прошли вдоль ряда гаражей и вышли на утопанную снежную полянку. Дальше было только поле, укутанное в высоченные сугробы. Едва заметной змейкой по нему проползли следы бурана. Снегоход стоял здесь же. Большой, оранжевый, блестя-

щий. Ольга не удивилась бы, если Максим купил абсолютно новую машину. Ведь он ясно дал понять, что с деньгами у него проблем не бывает. Другое дело, что доставили такую посудину так быстро. Но расспрашивать подробности Оля не стала.

Макс завел мотор, и направил буран по проторенной колее. Издалека белоснежное море казалось бескрайним, но они добрались до часовни меньше, чем за четверть часа. Настасья и ребятишки были уже там.

В паре десятков шагов от торчащего из сугробов сруба, чернела вырванная из снежного плена стылая земля. В центре неровного круга горел внушительных размеров костер. Пламя дерзко разрывало темноту, озаряя заледеневшие бока часовни и серьезные лица присутствующих. Такими хмурыми мальчишки на памяти Оли еще не были. Не только их лица, но и тела были так напряжены, хоть режь стекло. Сания, которого теперь, наверное, стоило звать полным именем Александр, сидел подле матери и заворожено глядел в пламя костра, даже не обратив внимания на прибывших. Сения, он же Семен, хмурым взглядом оглядывал все вокруг. Он то пристально смотрел вдаль, выискивая мрачные силуэты одиноких сосен, то нервно теребил кожаный мешочек у себя в руках, уставившись на него невидящим взором. Настасья же, слегка кивнув Ольге, продолжила что-то шептать, разглядывая видимые только ей фигуры в огне. Так или иначе, но все были чем-то заняты, и все невероятно изменились

за те два дня, что Ольга их не видела.

– Их словно подменили, – шепнула она Максу.

– Они просто быстро повзрослели.

– Через чур быстро.

– На самом деле, – Макс понизил голос, – Мать сильно затянула с их переворотом. А чем старше волколак, тем сложнее. Мы с Алексом перевернулись в пять, мальчишкам почти десять.

– Им будет больно?

– Скорее страшно, – он поймал вопросительный взгляд Ольги и продолжил, – Они совершенно не знакомы с волколаками, ведь они выросли среди людей. Само принятие того, что ты можешь стать волком, для них – дикость. Представь, если бы тебе лет в десять заявили: «Завтра ты станешь волчицей!», как бы ты отреагировала?

– Я даже представить себе этого не могу, – шепнула Ольга, и на мгновение ей показалось, что Настасья прислушивается к их беседе.

– Вот и подумай, каково им, – Макс внимательно осмотрел близнецов, и слегка улыбнулся, – но они справятся.

– Уверен?

– На сто процентов. Посмотри на них: им нереально страшно, но они здесь. Силе их духа можно только позавидовать.

Оля вздохнула и снова посмотрела по сторонам. На этот раз ее взгляд остановился на приоткрытой дверце в часовню.

Было видно, что снег подле нее примят, да и сам вход освободился от натиска сугробов совсем недавно.

– Что там? – кивнула она Максу в сторону часовни.

– Ничего, – в его глазах показалась печаль, – все подчищено, а что не подчищено, то поломано...

– Военные?

– Скорее, дети. Отсюда не так далеко до поселка.

– Жаль, – Оля тяжело вздохнула. Их маленький мирок разрушили ни в чем неповинные дети. Если б это были захватчики, она бы их ненавидела еще сильнее. А вот питать злость к ребятишкам, которые, наверняка, играли здесь в войнушку, она не могла. Тем ни менее заглянуть внутрь ей очень хотелось.

Максим словно почувствовал ее мысли:

– Не стоит тебе туда ходить. Только расстроишься. Да и не безопасно.

Оля кивнула и снова уставилась на кострище.

– Тебе лучше остаться здесь, – обратился к ней Макс, – там, возможно, будет жарко.

– Хорошо, – Ольга итак не собиралась рваться в гущу событий. Однако, стать ее частью ей пришлось.

Сначала все проходило тихо и мирно. Максим присоединился к костру, и Настасья в полголоса повторила проклятье старой ведьмы, заколдовавшей первого на земле волколака. Повзрослевшие близнецы с серьезным видом внимали каждому ее слову. Только Максим в этой компании чувство-

вал себя спокойно и даже улыбался, то и дело лоя на себе Ольгины взгляды. Потом Настасья встала, приподняв с пола деревянную ступку. Она пробормотала что-то себе под нос и передала чашу сидящему рядом Сане. Тот послушно принял ее и аккуратно двумя пальцами извлек темно-зеленую кашу. Все так же неспешно мальчик начал втирать субстанцию себе в десны, потом в кончики пальцев, и, наконец, передал ступку дальше. Сеня проделал тоже самое, только несколько поспешнее. И Оля поняла, кто из мальчишек по-настоящему боится.

Макс тем временем непонятно откуда достал тонкий бурый поясок, сплетенный толи из тонкой кожи, толи из травы, и накрутил на правую руку, оставив свисать недлинный конец. Глаза Настасьи при виде сего действия резко увеличились.

- Откуда у тебя это? – зло спросила она.
- Сам сделал, – улыбнулся Макс, теребя поясок.
- Зачем принес?
- На всякий случай.

Настасья словно посерела от злости, но тему закрыла. Повернувшись к сыну спиной, она протянула руки и жестом позвала мальчишек ближе. Оба тут же прильнули к матери, крепко обняв ее за талию.

«Надо было остаться дома, – подумала Ольга, – надо было». Ей стало нестерпимо горько, сердце защемило в груди от понимания того, как же страшно мальчишкам на самом

деле. Вроде вот они, сидят такие невозмутимые и серьезные, готовые принять свою судьбу. А вот опять же они, маленькие испуганные дети, прижавшиеся к матери в поисках защиты.

– Луна! – громко произнес Максим, и Настасья отпрянула от мальчиков.

Те переглянулись и снова уставились на мать. Ольга не видела ее лица, но чувствовала, что от доброй мамы не осталось и следа. Перед близнецами стояла суровая женщина, требующая полного подчинения. И они подчинились. Немного стесняясь, они стали снимать с себя одежду.

Первым вскрикнул Саня. Даже не вскрикнул, скорее проскулил. Он ничком упал на землю, затрясся всем телом, царапая почву под руками. Потом резко запрокинул голову, оскалив рот, и Ольга отчетливо увидела волчьи зрачки вместо ярких голубых глаз. В следующий миг мальчик уже стоял на четвереньках, невысказанно изогнув спину. На его плечах и груди уже всюду серебрилась белая шерсть, но он продолжал царапать землю, а его новые глаза, как стеклянные, смотрели куда-то вдаль.

Ольга затаила дыхание, боясь пошевелиться. Она даже не заметила, как второй мальчишка, обалдев от метаморфоз, творящихся с родным братом, вдруг схватил в охапку лежащий рядом ворох одежды и попытался убежать. Максим настиг его в один прыжок, схватил за плечи и тряхнул так, что Ольге показалось, будто она услышала хруст позвоночника. Хотя, может, это были кости Сани, который уже практиче-

ски перевернулся.

Максим все так же грубо швырнул мальчишку к ногам Настасьи. До смерти напуганный, он никак не мог перевернуться, и уже практически рыдал во все горло, по-детски уставившись на мать.

– Давай! – рявкнул Максим, и Сеня зарыдал еще громче. Но тут же встретился взглядом с белоснежным молодым волком. Он стоял подле, слегка оскалившись, и тяжело дыша.

– Ну же! – прорычал Максим, но Сеня лишь заворожено смотрел на брата. Макс чертыхнулся, схватил левой рукой пояс, и резким движением накинул на спину волка. Тот страшно взвыл и заметался вокруг костра. Настасья с ужасом следила за происходящим. Спустя пару минут агонии, измученный зверь буквально свалился с ног, его затрясло, и он стал кататься по полу, вновь обретая человеческие черты. Еще несколько минут все, как завороженные, смотрели на обратный переворот волка в человека, пока, наконец-то, все не закончилось.

Грязный, вспотевший Саня, лежал на холодной земле, хватая ртом воздух. Настасья, подлетела к мальчику, упала подле него на колени и стала судорожно ощупывать его тело.

– Что ты натворил? – закричала она на Макса, закончив осмотр.

– Ускорил процесс, – ровным голосом ответил тот.

– Я запрещаю тебе применять пояс к моим детям! – Настасья соскочила и попыталась схватить поясок, но тут же

одернула руку, словно обожглась.

Максим сделал вид, что не услышал мать, и обратился к сидящему на земле Сене:

– Твой брат будет страдать снова и снова, пока ты не наберешься смелости, – спокойно сказал он.

Мальчишка сглотнул, обернулся. В десятке шагов от него все также лежал испачканный землей Саня, рядом с ним стояла и тряслась от злости Настасья.

– Я не могу, – прошептал он, и слезы снова брызнули из глаз.

– Можешь, – уверенно сказал Максим и быстро зашевелил губами. На мгновение Оле показалось, что свет луны стал ярче, а костер зашипел, словно в него бросили зеленых веток. У нее тут же закружилась голова, и она не спеша присела прямо на снег, навалившись спиной на стену часовни.

А ситуация у костра накалялась. Саня вновь запрокинул голову и выпучил неоновые зрачки. На этот раз он переворачивался гораздо быстрее, при этом практически не издавая звуков. Однако Настасья даже не бросила в его сторону и взгляда. Она умоляюще смотрела на Сению, охваченного ужасом. Еще секунда, и рядом с ней опять стоял волк. Его шерсть изрядно испачкалась, отчего тот казался суровее, чем прежде.

Не дав ему прийти в себя, Макс опять набросил на зверя пояс. На этот раз Настасья не сдержалась и бросилась к нему, срывая с себя одежду. В два счета Максим обогнул ее, одной

рукой прижал к себе за горло и что-то проговорил на ухо. Но женщина продолжала брыкаться. Тогда Максим другой рукой перехватил пояс, отпустил ее шею, она рванулась вперед и оказалась в плену волшебного плетенья. Ольга разглядела, что поясок был сделан из высохшей травы. Он словно вцепился в Настасью за талию, отчего та завизжала и упала на землю. Уже два волколака катались по земле, крича страшные проклятия.

И снова Максим обратился к Сене:

– Давай!

Но того словно молнией пересекло, он сидел неподвижно и смотрел на мать, приходящую в себя после мучительной боли, на брата, который снова обрел человеческий облик. Только теперь Саня не выглядел усталым, скорее злым. Максим снова начал что-то шептать, парень взвыл и опять запрокинул голову.

Оля только успела подумать, как жестоко Макс обходится с ребенком, как снова почувствовала недомогание. Она совсем обмякла, но продолжала следить за происходящим. Саня снова был волком. Он уже осознанно рычал на брата. Настасья, придя в себя после контакта с поясом, упала ниц перед Максом и залилась слезами, умоляя не трогать ее сыновей.

Уже теряя сознание, Оля увидела, как белый волк метнулся в ее сторону, почувствовала, как острые зубы сомкнулись у нее на запястье. Она закричала и тут же пришла в себя.

Она услышала, как зарычал Максим, его голос она никогда не спутает. Она увидела безумные глаза Настасьи и маленького Сеню, который изогнулся и упал. Белый волк рванул головой и в его пасти остался клочок пуховика. Оля одернула руку, обнаружив лишь маленькие капельки крови – толстый синтепон уберег ее от серьезных ран. Однако, мир вокруг нее продолжал кружиться: на поляне, рыча, и осторожно ступая, топтались три белых волка. Они замерли на какое-то время, пригнувшись и оценивая обстановку...

Костер продолжал трещать, Настасья заботливо осматривала ранки на запястье испуганной девушки, а белоснежные хищники растворились где-то за часовней, среди высоких сугробов и мохнатых сосен.

4. Тяжелое решение

Белоснежное море разлилось серебром в лучах восходящего зимнего солнца, даже разлапистые темные сосны смотрели дружелюбно. Костер догорел, обнажив черный пласт земли, местами опутанный засохшей травой. Старая часовня, покрытая инеем, напоминала лубяную избушку Морозко. Рассвет как мог, скрасил унылую картину, что нарисовалась здесь во время ночного ритуала. Только сейчас, вытоптанная полянка скинула с себя застывшее напряжение.

Две женщины провели здесь несколько часов, ожидая возвращения трех белых волков. Они растворились в ночи и никак не давали о себе знать. Где они? Рыщут по лесу в поисках добычи или раздирают друг другу тело в кровь, дабы отомстить за прошлые обиды. Одному из хищников было что доказать. И обе женщины это знали.

Но как ни терзали их головы мысли о случившемся, как ни пытались они найти оправдания всему, что случилось этой ночью, они все не решались заговорить друг с другом об этом. Ольга даже уснула, когда Настасья, осторожно пробравшись в часовню, притащила старое грязное одеяло, и помогла девушке укрыться от непогоды.

Оля проснулась вместе с новым днем. На этот раз она совсем не видела снов. Наверное, поэтому сразу же пришла в себя и воскресила в памяти все, что творилось на поляне

несколько часов назад.

– Они не появлялись? – хриплым голосом спросила Ольга, пытаясь привстать на занемевших руках.

– Нет, – протянула Настасья, которая так и не сомкнула глаз.

Ольга наконец-то совладала с деревянными мышцами, встала и попыталась разглядеть кромку леса, в сторону которого убежали новоиспеченные волки и ее любимый мужчина.

– Что они там делают? – расстроено спросила она, так ничего и не увидев.

– А я почему знаю, – Настасья тоже встала и уставилась вдаль, – Мы их так еще долго можем ждать. Надо возвращаться домой.

– Домой, – Оля внимательно посмотрела на подругу по несчастью, – По снегу. Сколько же километров топтать?

– Почему топтать? – Настасья усмехнулась, – Есть же буран.

– Но... – Оля не успела договорить.

– Это вы, городские барышни, ничего не умеете, – после этих слов она стянула с Ольги одеяло, отчего у той тут же застучали зубы, – А мне уже приходилось управлять этой штукой! – Она кивнула в направлении снегохода, и резво двинулась в его сторону. По пути она приоткрыла дверку часовни, швырнула туда одеяло, и громко похлопала в ладоши, отрясая с рук пыль.

Все еще стуча зубами, Оля последовала за Настасьей. Женщина уже развернула машину в сторону поселка, и, здрав подол пальто, усаживалась за руль. Не раздумывая, Ольга плюхнулась у нее за спиной, и руками вцепилась в кожаный ремешок сиденья. Уже через минуту они неслись по снежной поляне, попадая след в след вчерашней колее.

Около дома Ольга осмелилась заговорить.

– Мне не по себе от... – она замялась, – вчерашнего.

– Я говорила Максу, что тебе стоит остаться дома, – равнодушно ответила Настасья, – но он очень хотел, чтобы ты сама все увидела. – Настасья остановилась, повернулась к Ольге лицом и продолжила, – Мой сын мечтает сделать тебя волколаком. Хотя, после увиденного, ты вряд ли захочешь переворачиваться.

Ольга молчала.

– Ты не обязана потакать всем его желаниям, – немного мягче сказала Настасья, – Вы вполне можете быть счастливы и так. Конечно, любой волколак ценит единение с природой в образе зверя. Наверняка в своем воображении он уже не раз рисовал картинки с тобой, будь ты волчицей. И, не скрою, в шкуре волка все чувства и эмоции гораздо ярче, интимнее. Ему будет не хватать этого. Но если он действительно тебя любит, то даст право выбора.

Женщина замолчала, разглядывая реакцию Ольги на свои слова, но та, не мигая, внимала каждому слову, и пока совершенно ничего не готова была выбирать. Настасья закончила

свою мысль:

– Будь я на твоём месте, я бы выбрала судьбу человека.

– Но почему? – опешила Оля.

– Ты, милая моя, видать, совсем забыла, что быть волколаком – это проклятье. Но хватит трещать об этом на улице, – и она взяла Олю под руку, – пойдём в дом. Тебе нужно хорошенько согреться, а то уже губы синие. Не хватало ещё заболеть.

То, насколько она замерзла, Оля осознала только когда разделась, и поставила ноги в тазик с тёплой водой. Настасья, не изменяя себе, сразу же включила режим доброй хозяйки и взялась за девушку по-хорошему. Она разогрела воды для ног, сдобрив её сухой горчицей. Приготовила горячий чай с травами, достала тёплый плед и укутала гостью ноги и плечи. Потом на столе появились пирожки и баночки с вареньем.

– Ну как? – заботливо спросила она.

– Гораздо лучше, – улыбнулась Оля, словно и не было за спиной целой ночи, проведенной на морозе.

– Вот и хорошо, – обрадовалась Настасья, и только сейчас занялась собой, оставив Олю одну.

Через несколько минут она вернулась на кухню в домашней одежде, повязала фартук и присела за стол чаевничать. Стоило ей отпить глоток, как терпение Ольги кончилось, и из нее посыпались вопросы.

– Макс рассказывал мне про половинок, – начала она, –

Он говорил, что они пользуются всеми преимуществами жизни волколака.

– Ну и что, – в голосе Настасьи не было никаких эмоций, – а про то, как они переворачиваются, он рассказывал?

Оля кивнула.

– С нами в деревне жили половинки. Они почти не переворачивались.

– Половинки? – Оля не на шутку удивилась. – Но откуда? Все так ненавидели меня! Меня несколько раз пытались убить, а ведь я могла стать половинкой.

– Это совсем другое дело. Те половинки попали к нам детьми. На самом деле большая часть потомства Рогатого была половинками. Но он притащил их в деревню так давно, что никто и не помнил. Да и о том, что они половинки знали очень не многие.

– Ну надо же, – возмущению Ольги не было предела, – И этот человек хотел меня прогнать. Хотя сам...

– Не забывай, – Настасья немного повысила голос, – По стране прокатилась не одна война. Многие дети остались сиротами. Рогатый давал этим ребятишкам второй шанс.

Оля слушала, открыв рот. Оказывается, волколаки приютили немало детей войны. Это было достойно уважения, и оттого она еще больше возненавидела людей, разрушивших не просто волколачью деревню, но целый мир. Мир, в котором пусть и не приняли ее, но спасли от голодной смерти ни в чем неповинных детей. Хотя, что о них вспоминать?

Их спасли от убийц войны, но не уберегли от захватчиков мирного времени.

– Не забивай себе голову, – прервала ее мысли Настасья, – об этом только и осталось, что вспоминать. Никто из детей Рогатого не выжил, – она горько усмехнулась, – Как и не старался он продлить свой род до конца времен.

– Но ведь они жили, эти половинки...

– Жили, – согласилась Настасья, – но, поверь, им было крайне сложно. Да что я тебе это объясняю. Придет время, и ты встанешь перед выбором. Что подскажет тебе сердце, то и ответишь. И вряд ли мои слова станут для тебя решающими.

И тут Ольга осознала, что все будет ровно наоборот, и именно этот разговор она вспомнит в первую очередь. В ее жизни было много возможностей сделать правильный выбор, принять взвешенное решение. Еще в далеком 86-ом ей, быть может, не стоило вопреки запретам родителей, уезжать в зимний поход. А потом, когда Макс повел ее к людям, она вновь встала перед выбором. Исчезнуть из жизни волколаков, забыть про их деревню, и жить нормальной жизнью или остаться среди волков. Только совсем ненормальная девушка могла предпочесть жизнь в волколачьей деревне счастливым дням в кругу семьи. Но раз уж выбор сделан, нужно было следовать ему до конца. Зачем же тогда Оля приняла предложение Виктора, вышла замуж? И снова все пошло кувырком с появлением Алекса. Раз уж дала слово быть верной

женой, не нужно было срываться из дома ранним утром и пытаться убежать с другим мужчиной. Будь она мудрее в принятии правильных решений, Алекс бы не попал под конвой, Виктор бы не мучился с непутевой супругой, а Макс никогда бы не увидел, как горит его родной дом...

Ольге было безумно трудно признавать это, но именно благодаря ее необдуманному поступку, случилось столько несчастий.

Не спеша помешивая чай, она окунулась в мысли о том, а что если...

А что если бы Оля не пошла в поход? Ее сверстники до конца учебного года вспоминали бы заснеженные горные заставы, бивуаки с песнями и дружным смехом, ночи в тесной палатке, страшную метель и путь домой. И пусть ей было бы завидно, зато ребята были бы счастливы, пережив такое приключение, пусть и без нее. А вместо забавных историй, за ночь повзрослевшие юноши и девушки, привезли ужасную весть. Любимица всей школы, умница и красавица Оля Мамонтова пропала во время метели и они никак не смогли ее отыскать. И пока на месте происшествия развернули бурную деятельность спасатели, весь город погрузился в траур. Кто-то искренне верил, что все обойдется и девочку найдут, кто-то грустно закатывал глаза, сочувствуя безутешным родителям. Ольга не раз корила себя именно за боль, причиненную маме и папе. Она вспомнила мать, вошедшую в палату захудалой больнички, где Ольгу держа-

ли буквально взаперти. Тогда Оля впервые услышала страшную фразу «Мы тебя похоронили». Она слышала ее и потом, но уже не с той горечью, что тогда застыла на материнских губах, стоило глупой девчонке рассказать, что она добровольно не пошла домой.

В тот день в горах, укутанных снегом, на полпути к возвращению в отчий дом, Ольга заколебалась. Она провела в деревне всего пару дней, она держала Максима за руку всего пару раз, но этого ей было достаточно. И снова перед ней встал выбор, и она предпочла яркую, наполненную страстью, запретную любовь родному дому, размеренной жизни. Вернись она в город, возможно, все работы на перевале закончились тут же, и никто бы не отдал страшную команду сжечь деревню дотла. И сотня ни в чем неповинных волколаков остались бы живы. Пусть они не любили лично ее, но в их сердцах было столько доброты, истиной веры, желания жить. И они так свято чтили свою самобытность... Сделай Ольга правильный выбор, по сей день стояла бы затерянная в лесах и заснеженных горах деревушка староверов.

По ее вине, или нет, но на месте волколачьего поселения теперь стоит рабочий поселок. Да кому он нужен?

Разве, что ей. Маленькая поликлиника, наспех возведенная из серых бетонных блоков, помогла Ольге вернуться. Вернуться, чтобы отыскать то, что она так нелепо потеряла.

Но прежде чем попасть сюда снова, сколько еще неправильных решений она приняла? Как она позволила Виктору

так стремительно ворваться в собственную жизнь? Бумажный самолетик, цветы и пара свиданий – Оля сдалась очень быстро. Шесть с половиной лет она прожила взаперти, причем самостоятельно водрузив замок на двери спальни. Почти семь лет одиночества, грустных мыслей и нескончаемых строк, наполненных горем. Может, она просто устала... Может новый человек в жизни был ей действительно необходим, а может это всего лишь оправдание...

Тогда откуда взялись настоящие светлые, яркие, искренние чувства к Алексею? Бедный юноша, он пережил захват родного дома, получил ранения, силой был отправлен на службу, вынужден был отказаться от своей природы. Но Алекс даже не думал винить в этом Ольгу. Его любовь не видела в ней никаких изъянов, как и не находила взаимосвязи между ней и пожаром. Но и в этот раз Оля жалела не его, она пожалела себя. Между женихом и братом бывшего возлюбленного она выбрала второго. Только сейчас Ольга поняла, насколько глупым был этот шаг. О чем она мечтала? О счастливой волколачьей жизни с Алексом? Но ведь не ради него она бросила все, не с ним она была счастлива. Да, если честно, и не от него она хотела иметь детей, и не с ним она мечтала состариться. Но тогда бредовые идеи затуманили разум и она сбежала. Сбежала от человека, которому дала обещание.

И за это ее сурово наказали. Но еще хуже пришлось Алексею. Он только выбрался из капкана армии, чтобы тут же ока-

заться в тисках колонии поселения где-то на севере необъятной России. Где его искать? Как выволять? И есть ли в этом смысл?

В одном Ольга не сомневалась, сделай она правильный выбор, поступи по совести, и Алекс гулял бы на свободе...

Но даже после того, как Виктор обошелся с обидчиком, Оле не хватило мужества оставить его. Она лишь послушно пошла под венец, чтобы стать хорошей женой нелюбимому мужчине. И она старалась. Но, видимо, плохо. Она так и не подарила мужу первой брачной ночи, не стала ему близким другом, не доверилась, не открылась. Вместо этого она сорвалась на заработки в Уральские горы. И то не за деньгами, а за поисками утраченного. И она нашла. Нашла. Она не помнила, чтобы когда либо чувствовала себя счастливее, чем в первые дни с Максом. У них было все: страсть, откровения, слезы, воспоминания. Миллион эмоций за столь короткий промежуток времени. Но ее прошлые неправильные решения вновь красной линией пролегли на этих светлых чувствах. Как ни крути, но в отношениях с мужем нужно ставить точку. А в собственной жизни просто необходимо что-то менять.

И снова перед ней стоял выбор – остаться человеком или стать волколаком. И она так сильно боялась вновь совершить ошибку...

– Не спеши с ответом, – прервала ее мысли Настасья.

– Что? – Ольга не ожидала, что Настасья так хорошо чув-

ствует ее состояние души.

– Пока у вас все хорошо и без этого, даже не заводи разговор, – женщина встала из-за стола и наклонилась, чтобы убрать таз с водой, в котором Оля грела ноги. Вода и вправду совсем остыла.

– Разве? – Ольга серьезно посмотрела на собеседницу, – Разве так строятся отношения? Молчать и ждать?

– А почему нет? – Настасья улыбнулась, – Мама не учила тебя, что хорошая жена не та, что лезет на рожон выяснять отношения, а та, что молчаливо выстраивает их так, чтобы мужчина думал, будто это он в семье хозяин.

– Не учила, – Оля вздохнула, – после возвращения домой мы мало общались.

– Очень жаль. Но ничего, мы ситуацию поправим.

– А не поздновато?

– Учиться, милая моя, никогда не поздно.

– Но зачем это вам?

– Считай, что я у тебя в долгу...

Оля догадывалась, несколько раз прокручивая в голове рассказы Настасьи и Макса. Но она так и не смогла поставить в этом деле точку.

– О чем это вы? – Ольга постаралась не выдать нахлынувшего волнения.

Настасья, видимо, ничего не почувствовала. Она по старинке всплеснула руками, тяжело вздохнула и села напротив.

– Я... – женщина долго собиралась с мыслями. – А что скрывать-то? Все мы не без греха. А я, поверь, только и старалась, что спасти своих сыновей. В общем, когда Макс залетел в дом во время пожара, я сказала ему, что видела тебя уже мертвой. Будто я не успела тебя спасти, и ты задохнулась у себя в комнате, а солдаты просто вынесли твое тело.

– Но...

– Что но? – Настасья сверкнула глазами, – Скажи я Максу, что ты жива и тебя потащили в вертолет, что, думаешь, он бы сделал?

Ольга молчала. Но она знала.

– Вот именно! – женщина повысила голос, – Ты не говоришь, но понимаешь. Он бы рванулся за тобой и схватил бы сотню пуль. И не было бы у меня больше сына. У меня на тот момент кроме него ничего и не осталось. Алекса уволокли, истекающего кровью. Дом горел. Мои соседи, люди, с которыми я прожила всю жизнь, умирали на моих глазах. Кровь, боль, крики... Но я не оправдываю себя, я поступила так, как велело мне материнское сердце.

– Но ведь Макс не искал меня, – Оля всхлипнула, – он поверил в то, что я мертва. И я семь с лишним лет прожила без него.

– Ты до этого шестнадцать лет без него жила, – Настасья сменила тон, – И ничего. Жива, здорова!

Ольга хотела еще что-то сказать, но слова застряли в горле. Она молча встала и ушла.

В полубреде, заливаясь слезами, она добрела до квартиры, и, не раздеваясь, упала на диван. Ей было горько и обидно. Она так сильно винила себя за все свои неправильные решения, что пришло время обвинить кого-то еще. И Ольга не сомневалась, что именно Настасья разлучила ее с Максимом. И все было бы по-другому, вытащи он ее из вертолета.

Очень сложно ненавидеть только себя, и Ольга с легкой душой поделилась своей ненавистью с матерью любимого мужчины. И о правильности этого поступка она старалась не думать.

Через три дня вернулся Максим с мальчиками. Он был тверд в своем решении увезти близнецов, и уже назначил дату. Сказавшись на плохое самочувствие, Ольга пропустила семейный ужин. Накануне Старого Нового года все четверо приехали на железнодорожный вокзал. Максим с мальчишками отправился на юг, а Ольга в одиночестве на север. Мужчинам предстояло увлекательное путешествие, а ей – серьезное испытание. Дома ее ждал сердитый муж, к которому она ехала с предложением о разводе.

5. Под стук колес

В который раз Ольга всматривалась в заснеженные пейзажи матушки России. В детстве она обожала поезда, каждая поездка представлялась ей волшебным путешествием. В вагонах плацкарта можно перезнакомиться со всеми пассажирами: с одними поиграть в карты, с другими обсудить подружек, с третьими просто почаевничать. Миловидную девчушку то и дело угощали конфетами, приглашали к столу, задавали смешные вопросы. И все это внимание маленькой Оле было только в радость. Сейчас же она предпочитала исключительно купе. С годами милая девочка превратилась в недружелюбную даму. Заезженные вопросы ее раздражали, чрезмерная близость с незнакомыми людьми была неприятна, да и сама атмосфера дома на колесах напрягала.

Ее сосед по купе, немолодой мужчина с пронизательными глазами, внушал недоверие. В целом Ольга понимала, что ей нечего бояться, но какой-то червячок сомнения так и грыз ее сознание.

На вид соседу было около сорока, но виски уже порядком поседел. Волевой подбородок, немного суровые черты и через чур внимательный взгляд. Он только заглянул в купе, и тут же Оля почувствовала, будто ее просверлил глазами. Правда, так же он поступил и с проводницей, которая принесла белье, и с продавщицей пива, получившей вежли-

вый отказ. Голос его был слишком размеренным, с налетом ледяного безразличия.

Не зная, почему, Ольга целиком посвятила себя наблюдению за соседом. Вот он привстал и поправил немного съехавший держатель занавесок. Проводил взглядом удаляющийся перрон, вздохнул и вышел. «Курить», – подумала Оля, но не угадала. Мужчина вернулся через пять минут. Без запаха дыма, но с двумя стаканчиками в железной оправе.

– Составите кампанию? – спросил он, присаживаясь.

От неожиданности Ольга даже опешила. Она-то собиралась раскусить в соседке не то шпиона, не то маньяка...

– Спасибо, – едва улыбнувшись, Оля повернулась к столу. От того, что она так пристально смотрела в окно и периодически косилась на своего визави, шея порядком устала, и ей пришлось слегка запрокинуть голову, дав отдохнуть мышцам.

– Вам нехорошо?

– Все нормально, просто немного устала.

– Долгая дорога?

– Да нет, немного выбилась из колеи.

– Бывает. Я – Евгений, можно просто Женя.

– Ольга. Можно просто Оля, – девушка наконец-то расслабилась, сняв с себя напряжение. Наверное, непринужденная беседа с соседом по купе даже лучше, чем поиск несуществующих маньяков-убийц.

– Куда путь держите? – Евгений безукоризненно следовал

социальному протоколу пассажиров поезда. Более того, задав вопрос, он потянулся к сумке и извлек кулек с конфетами, – Угощайтесь.

– Спасибо. Я не люблю сладкое.

Евгений подмигнул и улыбнулся:

– У меня еще есть горькое и соленое. Припас на случай хорошей компании.

– Боюсь, я не тот вариант, – Ольга грустно пожала плечами, – Настроение ни к черту.

– Тогда вам тем более нужна хорошая компания, а, может, даже врач...

– Врач? – Оля усмехнулась, – Не на столько все плохо!

– А на сколько?

– На столько, что я бы заплатила любые деньги за то, чтобы кто-нибудь вместо меня сел в этот поезд и поставил точку в моих непростых отношениях.

– С мужем или с любовником?

От неожиданности Оля чуть не подавилась. Не слишком ли она разоткровенничалась? И не слишком ли нагло этот незнакомец лезет в ее личную жизнь?

– Да ладно, – Евгений попытался разрядить атмосферу, – У такой милой девушки наверняка не один поклонник.

Ольга отвернулась к окну, решая для себя, продолжать этот откровенный разговор или нет.

– Извините, если я лезу не в свое дело, – голос собеседника несколько притих, – хотел помочь. Я подумал, что, может,

вам действительно нужен врач...

– Да что вы заладили-то со своим врачом? – Ольга даже немного обиделась на такие слова.

– Я врач, – добродушно улыбнулся Евгений, – психотерапевт. Прошу любить и жаловать.

– Вот как, – Оля ехидно ухмыльнулась, – думаете, мне нужна помощь?

– Вы уж простите, но напряжение вокруг вас можно ножом резать.

– Так заметно? – Ольга вздохнула.

– Заметно...

Поезд дернулся, отчего дверь купе громко стукнулась о стену. Евгений тут же встал, проверил замок, открыл дверь и зафиксировал.

– Лучше уж закройте, – вмешалась Ольга.

– Я думал вам не комфортно наедине с женщиной, – заметил он, но послушно отгородил пространство купе от вагона.

– Вы правы, – Оля откинулась назад и закинула ноги на сиденье. Еще полчаса назад она была уверена, что и словом не обмолвится с соседом по купе, а вот сейчас ей вдруг нестерпимо захотелось излить душу. Только вот как? Ведь ей никому нельзя открывать тайну волколаков. Да и кто ей поверит? Сочтут за бред. Тогда, может, и не стоит начинать? Или стоит? – Но я рискну.

– Уверены? – Евгений вернулся на свое место и вновь при-тянул сумку, – У меня, кстати, есть и бутылка красного по-

лусладкого...

– Да у вас там целый бар, – Оля в пару глотков допила кофе и придвинула стаканчик, – Плесните уже хоть что-то.

– Только схожу за штопором, – он достал длинный пода- рочный пакет, поставил его на стол и двинулся к выходу.

– По-моему, – Оля указала на упаковку, – вы везете ко- му-то гостинец. Как-то не вежливо получается...

– Ничего страшного, – Евгений махнул рукой и вышел.

«Действительно, – подумала Оля, – ничего страшного. Просто посидим, поговорим, это не преступление».

Сама того не осознавая, она начала оправдывать свои дей- ствия. В последнее время это вошло у нее в привычку. Она то и дело винила себя во всех смертных грехах, осуждая снова и снова каждое неверное решение. И столько всего накопи- лось в ее измученной душе, что держать все в себе уже не бы- ло сил. С родителями она давно не виделась, да и теплая дружба с ними сошла на нет. Ее подруги были заняты своими делами, и только изредка напоминали о себе телефонными звонками. Да и что от них требовать, если сама Оля вообще забыла про все на свете, стоило ей вновь увидеть волколаков. Осложнялось общение с друзьями еще и тем, что абсолют- но все, что беспокоило Олю, нужно было хранить за семью печатями. Однако, желание излить душу так сильно завладе- ло ее разумом, что противостоять ему не было сил. Главное, не сболтнуть ничего лишнего, не раскрыть чужую тайну...

Когда Евгений вернулся, Оля уже знала с чего начать,

и чем закончить свой рассказ. Но тот, вопреки ее ожиданиям, не спешил расспрашивать. Мужчина аккуратно присел на край сидения (он вообще все делал с осторожностью, предусмотрительностью, даже немного чопорно), стянул пакет и монотонно принялся откупоривать бутылку.

Ольга не выдержала:

– А с чего вы взяли, будто у меня есть любовник?

– А ведь он есть, – Женя не поднимал головы от бутылки, но Оля словно почувствовала, что тот тихонько ликует своей правоте.

– Но не любовник, – такое слово она никак не могла употребить в отношении Максима, – скорее истинная любовь. Утраченная, но обретенная вновь...

– И теперь между вами встал законный супруг?

– Да, – Оля вздохнула.

Евгений наконец-то покончил с пробкой и разлил вино по стаканам. Не дожидаясь тоста, и нечего не произнося, он пригубил рубиновый напиток и довольно прищурился:

– Не обманул, паршивец. Настоящий «Саперави»!

– Ценитель? – Оля улыбнулась и сделала глоток, отметив, что напиток действительно хорош.

Евгений согласно кивнул:

– На чем мы остановились?

– На моем муже... – от этого слова кольнуло в груди. Она сказала его так небрежно, будто и не было ничего между ними. А ведь было. Было романтическое знакомство, первое сви-

дание, цветы и подарки. Виктор ухаживал настойчиво, расчетливо, но искренне и со вкусом. Их свидания не были банальными, разговоры не были скучными. Их семьи идеально подходили друг другу, и, наверное, это насмешка судьбы, что сами Оля и Витя так друг другу и не подошли.

Воспоминания нахлынули, и Ольга не стала держать их в себе. Слова полились из нее, как из рога изобилия. Она рассказала про поход и деревню староверов, про свои чувства и любовь Максима, про возвращение домой и годы взаперти, про Виктора и про Алекса, про нелепую свадьбу и несчастливую семейную жизнь, про рабочий поселок и счастливый финал ее грустной истории, про настоящую страсть и неподдельное счастье. Ей оставалось сделать последний шаг, возможно, самый сложный в ее жизни, но просто сбежать, исчезнуть, заставив родных снова «похоронить» ее, она не могла.

– Думаешь прямиком к родителям поехать? – задумчиво спросил Евгений. За время ее рассказа они успели допить вино, и плавно перейти на водочку. Само собой, что алкоголь еще больше раскрепостил собеседников, они давно перешли на «ты», а Женя к тому же проявлял чистосердечное участие.

– Не думаю, – Оля и в самом деле не видела ничего страшного в том, чтобы вернуться в дом мужа. Да и посвящать в свои семейные дразги родителей раньше времени не хотела. Знала, что те попробуют вмешаться и помочь наладить отношения, которых уж и нет давно, – У меня есть дом. По-

еду туда.

– С порога ошарашишь?

– Нет, конечно. Да и не новость это вовсе. Виктор не дурак. Давно все понял.

– Развод может затянуться, – серьезно проговорил Евгений, – Раздел имущества и все прочее.

– Не мой случай, – растянулась в улыбке Оля, она прекрасно знала, что Макс сделает ее жизнь беззаботной благодаря своему дару, но собеседник то не знал, – я не нуждаюсь ни в его деньгах, ни в квартире.

– Смело, – Женя уважительно кивнул и протянул стакан, чтобы чокнуться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.